

Питон

— Ох!..

Фарфадэ раздвинул сплетения лиан. Чувство дурноты постепенно проходило, и окружающий мир наконец перестал двоиться. Плывущая перед глазами зелень замерла, а перевернутые деревья вернулись в нормальное положение.

Когда он обрел твердую почву под ногами, то застыл, ошеломленный открывшимся видом. Он смутно помнил, как поскользнулся на склизком, влажном мхе, а затем инерция от удара белого лося швырнула его прямиком в расщелину. Дыра оказалась на удивление узкой — любого взрослого мужчину там бы просто заклинило. Фарфадэ же кубарем пролетел по земляному туннелю и рухнул с отвесного уступа. Ощущения были отвратительными. Он и раньше-то не жаловал водные горки и крутые спуски в парках аттракционов.

«Кстати, а что такое "аттракционы"?»

Вытащив из волос запутавшиеся листья и мусор, Фарфадэ с тяжелым сердцем принялся отряхивать одежду. При падении он изрядно приложился и грудью, и спиной; спасло лишь то, что в последний момент он успел ухватиться за свисающую лозу, смягчив удар. Немного придя в себя, он наконец осмотрелся.

Это должна была быть мрачная, лишенная света пещера, но луна... Белая, идеально круглая луна сияла точно в центре свода, сквозь узкое, похожее на глаз отверстие. Она казалась огромным белоснежным зрачком, мерцающим во тьме. На миг мелькнула пугающая мысль, будто этот «глаз» обладает древним сознанием — бесстрастным, лишенным милосердия взором, наблюдающим за миром. Луна словно очищала саму себя, бросая на землю прозрачные, тонкие, как крылья цикады, полосы света, подобные лунной коже.

В холодном подземелье неспешно вспыхивали и гасли светляки. Они кружили вокруг огромного баньяна, росшего... вверх ногами. Его корни намертво впились в потолок пещеры; там, наверху, на поверхности, они наверняка прикидывались густым кустарником, впитывая дождь и лунный свет. Здесь же, в каверне, само дерево отчаянно тянуло ветви к единственному источнику сияния. И там, среди самых толстых и темных сучьев, свернувшись в массивные кольца, спал исполинский питон.

С предельной осторожностью Фарфадэ приблизился к перевернутому дереву.

«Змеиное дерево», — осознал он.

В лужах под ногами дрожало его отражение и блики от висевших над головой яиц —

полупрозрачных, безупречно гладких плодов этого странного союза флоры и фауны. Они походили на хрупкие мыльные пузыри или на аппетитное желе, внутри которого, свернувшись, замерли змеиные зародыши.

Это был великий питон Преисподней. Фарфадэ припоминал рассказы о таких существах. Он замер на самой границе света, не решаясь подойти ближе, но в этот момент змея открыла глаза. Взгляд существа с вертикальными зрачками всегда внушает первобытный ужас. Фарфадэ вздрогнул, но заставил себя остаться на месте, не разрывая зрительного контакта.

Нужно... нужно смотреть прямо в глаза. Нельзя позволить хищнику увидеть в себе добычу. Какое-то необъяснимое предчувствие заставило его сделать несколько твердых шагов вперед. Один из светляков — лишь когда он подлетел совсем близко, Фарфадэ понял, что это бабочка со светящимся узором на крыльях — опустился ему на переносицу. Юноша дискомфортно прищурился. Тишина затягивалась, становясь почти осязаемой.

Прошло немало времени, прежде чем питон шевельнулся. Фарфадэ старался дышать ровно, умиряя бешеный стук сердца. Скорпион уже приподнял прядь его волос, готовясь спрыгнуть и защитить хозяина, как вдруг гигантский хвост змеи метнулся вперед, сметая что-то со ветвей. Питон коротко высунул раздвоенный язык и снова сомкнул свои ярко-желтые глаза.

Змеиные яйца, сбитые хвостом, подкатились прямо к ногам Фарфадэ.

— Это... мне? — замялся он. Помедлив, он протянул руку и подобрал три или четыре яйца.

Скорпион тут же юркнул обратно в гущу зеленых волос.

Питон больше не обращал на него внимания. Что ж, в настоящей схватке вряд ли кто-то из них вышел бы победителем без потерь. Фарфадэ принял этот дар, но теперь возник другой вопрос: как выбраться наружу?

«Должен же здесь быть другой выход? Ну пожалуйста...»

Завернув яйца в полы плаща, юноша принялся изучать движение воздушных потоков между скалистыми выступами. Земля была усыпана палой листвой, среди которой белели кости жертв питона и валялось нечто блестящее, прозрачное, похожее на пластик. Он поднял находку — это оказался кусок змеиного выползка.

«Не знаю, пригодится ли, но стоит показать Ансеринусу».

Юноша свернул змеиную кожу и сунул её в капюшон плаща, после чего продолжил поиски. Учитывая размеры питона, здесь обязан был быть проход пошире того лаза, через который он свалился.

Он шел долго. Несмотря на то, что это была подземная пещера, лишенная прямого солнца, местная экосистема своей пышной зеленью ничуть не уступала наземным лесам. Это было независимое растительное королевство, рожденное из тьмы. Среди сорной травы виднелись перистые побеги, каменные лотосы, чья текстура напоминала агат, и цветы-распылители с двухцветными лепестками. Это подземное чужеземье, процветающее в вечном покое, заставило Фарфадэ на миг забыть, когда он наконец оставил логово змеи далеко позади.

До него донесся шум воды. Где-то неподалеку протекала подземная река. Звук течения приносил с собой ощущение неопишуемой свежести — пожалуй, даже избыточной. Юноша ускорила шаг, не обращая внимания на колючие лианы, рвавшие его одежду.

«Эх, кабы кожа была попрочнее...»

В конце концов, попетляв по туннелям, он вышел к реке. Чем дальше он шел вдоль стены, тем шире становилось русло. За очередным поворотом показался выход, но была одна проблема: берег обрывался. Дальше можно было только плыть.

Итак... а умел ли он вообще плавать?

Фарфадэ в нерешительности застыл у края воды, не зная, как поступить, когда услышал знакомый и донельзя раздражающий голос:

— Э-эй! Ваше Высочество! Вы там?

А, Адам.

— Я здесь! — тут же отозвался Фарфадэ. Он постарался, чтобы голос звучал твердо и ясно, а эхо пустого грота услужливо разнесло его слова.

— О, и впрямь там! — вскоре вор показался на свет. Стоя на внешнем берегу, он прокричал: — А я-то гадал, куда вы подевались! Видать, у нас сердца в унисон бьются!

Заметив издали помрачневшее лицо Фарфадэ, он тут же спохватился, поняв, что ляпнул лишнего:

— Ой, нет-нет-нет! Я хотел сказать — удача, чистая удача нам сопутствует!..

Присмотревшись, Адам наконец осознал комичность ситуации: неужто этот парень не дружит с водой?

— Вы там стойте, не дергайтесь! — крикнул он, и в его голосе прозвучало нескрываемое злорадство.

Фарфадэ, сохраняя бесстрастное выражение лица, в очередной раз задался вопросом: почему он не взял с собой Вирадуана?

...Ах да, Вирадуан сам просил остаться в поместье, а Фарфадэ, всегда снисходительный к просьбам подчиненных, великодушно согласился.

Ощущение погружения в воду было непривычным. Если не считать того, что река была ледяной, никакого дискомфорта он не испытал. Проплыть семь-восемь метров, поддерживая юношу, для Адама не составило труда. Оказавшись на берегу, Фарфадэ, всё еще прижимая к себе змеиные яйца, принялся выжимать мокрый плащ.

— Где остальные? — спросил он.

— Да разбрелись вас искать! Кто ж просил исчезать, не сказав ни слова?..

Фарфадэ, который улыбался крайне редко, одарил его мимолетной, но весьма многозначительной улыбкой. Адам тут же почувствовал неладное и в третий раз сменил тон:

— Ладно-ладно, виноват, каюсь! Готов понести кару, только, молю, будьте милосердны...

Фарфадэ лишь молча зашагал вперед. Ему было лень спорить с этим человеком.

Сделав крюк, они вернулись на лесную поляну, где воссоединились с остальными.

После успешной охоты на белого лося охотник Роба распорядился оттащить тушу на открытое место. Потребовались усилия четырех взрослых мужчин, чтобы сдвинуть этого исполина.

Настало время разделки. Мясник обошел тушу кругом, что-то бормоча под нос, и в итоге решил действовать так же, как с обычным скотом, только в другом масштабе. Он примерился и начал по старинке: сначала выпустил кровь, затем принялся снимать шкуру, осторожно ведя острием ножа вдоль мягкого брюха. Шкура лося оказалась невероятно толстой, так что нажимать приходилось с силой, но при этом медленно, кончиком лезвия, чтобы не дай бог не испортить ценный материал.

Пока мясник трудился, остальные тоже не сидели без дела: кто-то таскал дрова, кто-то разводил костры, кто-то разбивал лагерь. Поначалу царила суматоха, но когда промокшего до нитки Фарфаноэrsa усадили у огня сушиться, он оказался единственным праздным человеком среди всей этой шумной возни. Зрелище было сюрреалистичным: лорд сидел неподвижно, словно каменное изваяние, но его спокойствие необъяснимым образом передалось остальным. Постепенно люди перестали суетиться, и работа пошла своим чередом.

Клас подобрался к хозяину лишь тогда, когда тот почти обсох. Кот примостился в его всё еще чуть влажных объятиях, и его черная шерстка заблестела в свете костра рыжими искрами. Тем

временем на поляне установили котлы, захваченные из поместья. Ту часть мяса лося, которую невозможно было забрать с собой, решили пустить на припасы прямо сейчас. Фарфаноэрс подтвердил: мясо съедобно, хотя на вкус — загадка. Другую же часть — жир — планировали вытопить и разлить по кувшинам. Кровь лося пока оставили про запас, не зная точно, как её применить. Позже все эти емкости обернут тканью, проложив морозной полынью — пока трава не завянет, продукты останутся свежими.

Вытапливание жира было делом привычным для хозяек. Две женщины из отряда, Илеана и Вера, взяли это на себя: одна следила за огнем, другая помешивала варево деревянным черпаком. Они принимали от мясника куски жира, промывали их, резали и бросали в чан с речной водой. Поначалу от кипящего лосиного жира шел резкий, специфический запах, но вскоре его вытеснил аромат дыма.

— Убавь огонь! — командовала Илеана.

— Да знаю я, не мешай под руку! — не поднимая головы, отбрила Вера. Она зачерпнула немного жира на пробу: — Ого... Ну и запах. Может, специй каких добавить?

— Этот жир для стен, а не для желудков! Насыплешь лишнего — испортится еще, — резонно возразила подруга.

— Ну, тогда хоть в шкварки-то добавь.

— С этим потом разберемся, — проворчала Илеана. Она прижала черпак, демонстрируя чистое, прозрачное масло. Если бы это увидел гусь-монстр, он бы наверняка прослезился от восторга.

Когда лосиный жир остыл и застыл, он превратился в массу темно-серого цвета с нежной текстурой. Резкий запах исчез, сменившись тонким ароматом мускуса. Оставшиеся же шкварки, сдобренные солью и щепоткой трав, стали отличной начинкой для пышного хлеба. Илеана откуда-то раздобыла дикое яйцо, взбила его на сковороде, добавила обжаренные лосиные шкварки, немного съедобных трав...

«Это же... сэндвич?» — меланхолично подумал Фарфадэ, глядя на получившееся блюдо. А затем...

— Стоять! Клас, это не еда!

Кот с обиженным видом выплюнул змеиное яйцо и жалобно мяукнул. Ну какие могут быть дурные помыслы у маленького котика?